

В настоящее время в мире становится популярным жанр двойного интервью, когда два творческих человека поочередно интервьюируют друг друга. Редколлегия «Менестреля» предложила провести такое взаимное интервью двух известных литераторов, москвича и омичку – Геннадия Каневского и Серафиму Орлову. Они рассказали друг другу о литературной жизни своих городов, как они её видят. Ознакомиться с их точками зрения мы и предлагаем читателям нашего альманаха.

ВЗГЛЯД ИЗВНЕ И ИЗНУТРИ

Двойное интервью

Геннадий КАНЕВСКИЙ – Серафима ОРЛОВА

I

С.О. В последнее время распространен такой взгляд на современную драматургию: пьеса – это то, что автор назвал пьесой. Можно ли сказать о поэзии то же самое? Если да – то почему? Графоманов в расчет не берём.

Г.К. Вопрос, содержащий в себе полемическое зерно)) Для меня он распадается на два: об определении поэзии (довольно безнадежный для полемики вопрос, потому что и разные стиховедческие школы определяют это по-разному) и о символическом капитале поэзии – т.е. является ли сами слова «стихи» и «поэт» некими орденами, позволяющими отделить автора-творца от «толпы». Поэтому попробую ответить со своей, частной точки зрения.

Для меня поэзия – это то, что 1) автор считает таковой; 2) я сам как читатель считаю, что это удовлетворяет некоторым, не всегда вербализуемым мною, но отчасти и формальным, признакам, позволяющим относить это к поэзии; 3) некоторое убедительное для меня количество людей, признаваемых мною мастерами этого искусства или профессионалами в его изучении, согласны, что это – да, поэзия. Тут важен также фактор времени. Вчера поэзией считалось одно, сегодня – другое, завтра – что-то ещё. Это норма. И в классических образцах главное – попадание в своё (а не прошедшее) время, а гениальные попадают со значительным опережением – и это позволяет им остаться надолго/навсегда.

А вот что касается символического значения – мне кажется, что оно становится все более анахроничным. И, в конце концов, появятся какие-то новые термины. Условно, «язэоп». И на окрик приверженца архаики «Это что – поэзия?! И вы, юноша (девушка) всерьёз считаете, что выпоэт?!» – можно будет просто

ответить: «Извините, это яязэоп, и я – яязэопист»))

С.О. К каким поэтическим московским фестивалям ты близок в последние несколько лет? Какие опыты были самые интересные, кто сейчас двигает фестивальное движение?

Г.К. Хм. Московские поэтические фестивали – это поэтические фестивали, проводящиеся в Москве? Думаю, тут речь скорее должна идти о постоянных циклах литературных вечеров, событий, о постоянных площадках (знакомые с московской литсредой, конечно, сразу вспомнят «Культурную инициативу» Ю. Цветкова и Д. Файзова). Т.е. литературная жизнь Москвы – это такой довольно перманентный фестиваль, практически ежедневный. Из фестивалей-событий, со съездом гостей и культурной программой, можно вспомнить разве что Московское Биеннале поэзии – большой и регулярный литературный сабантуй. Прошлогодний был посвящен поэзии Китая и её переводу на русский.

Соответственно, и московские поэтические группы формируются скорее вокруг площадок, поэтических циклов, редакций толстых (и тонких) журналов, поэтических семинаров и вузовских литобъединений.

Двигают же фестивальное движение, на мой взгляд, события не столичные, а петербургские и провинциальные, причём всё в большей степени. Из самого интересного в последнее время назову питерский фестиваль в Новой Голландии, программу питерской же молодежной поэтической премии им. А.Т. Драгомощенко, поэтическую программу InВерсия Челябинского международного фестиваля искусств Дебаркадер.

Помимо этого последнего, очень любимого мною, давно люблю и традиционный весенний

фестиваль Голос-А памяти Г. Айги в Чебоксарах, замечательный своими мастерскими перевода и книжной графики, а также особой атмосферой – мистично-минималистичной, я бы сказал.

Кстати, начали возникать и новые зарубежные фестивали русской поэзии и культуры – только что закончился первый фестиваль в Черногории, например.

С.О. Можешь ли ты сказать, что московская поэтическая школа оказала на тебя влияние, и есть ли эта школа сейчас? Ощущаешь ли ты влияние Гандлевского и Рубинштейна?

Г.К. Московская поэтическая школа – это, скорее, совокупность школ. С малопродолжимыми противоречиями и разногласиями. Но при этом и с гораздо большей, чем в иных поэтических сообществах, внутренней свободой. По этой же причине, мне кажется, в российском литературоведении давно бытует понятие «Ленинградского/петербургского поэтического текста», а понятия московского – не существует. Москва – слишком огромный странноприимный дом, по словам Цветаевой. Поэтому если что и оказало влияние – то прекрасная эклектика, богатый выбор, разногласия. В самом твоём вопросе есть отголосок этого: Гандлевский и Рубинштейн – два признанных мэтра московской поэзии, в начале восьмидесятых вместе публиковавшиеся под обложкой, например, знаменитого альманаха «Личное дело». Но насколько различны (при всём их взаимном уважении и даже любви) их творческие методы! И происходят они совсем из разных поэтических групп: один – из «Московского времени», продолжившего акмеистскую традицию на предельно суженном и персонализированном частном пространстве (что было вполне крамольным по тем временам), соединившего её с иронией и сарказмом, и притом возродившего на новом уровне русскую элегию и интеллигентскую рефлексию; другой – из круга Московских концептуалистов, с его травестией советских реалий, постмодернистской карнавализацией, синтезом живописи, музыки, текста, объекта и перформанса.

Что до повлиявшего на меня – да, сперва упомянутое «Московское время», никуда не денешься, но с изрядной инъекцией скепсиса от концептуалистов, прививкой от растекания мысли по древу от лианозовцев, понимании о возможности сочетания классической формы с сюрреалистическим содержанием от метареа-

листов и «Крымского клуба» (в особенности – от любимого мною Николая Звягинцева). Это – лишь самое основное. А в последнее время – это, например, ещё и Михаил Айзенберг.

С.О. Какие новые имена в поэзии ты бы выделил и почему?

Г.К. Новых имен сейчас очень много. И формальный уровень достаточно высок. Поскольку речь у нас идёт о московской поэзии по преимуществу, попытаюсь назвать нескольких поэтов либо из Москвы и ближайших окрестностей, либо проживающих и пишущих в последние годы в Москве.

Дмитрий Гаричев – поэт (а также переводчик и прозаик – его повесть, например, только что вошла в длинный список престижной премии «НоС» - Новая Словесность) из Подмосковья. Он достаточно далек от тех или иных тусовок, но меня не перестает поражать его удивительный фантазийный поэтический язык. Это как бы поток речи то ли геймера, то ли наемника, но речь эта создает невероятное поле метафорического напряжения и дает простор фантазии читателя, что редкость. Чем-то он напоминает питерца Алексея Порвина – так же, как он, формирует в стихах зыбкие образы, сменяющиеся иными при переходе от строки к строке – но это совсем другой лексический пласт. При этом у него есть почти прозрачные тексты, но в них обязательно скрыт какой-то неожиданный ход.

Москвичку Ольгу Дернову не назовешь прямо-таки новым именем, но она нечасто публикуется, имеет в активе лишь две книги стихов (что жаль), поэтому для многих может стать ярким открытием. Ольга ближе к классической просодии – но для меня её стихи являются одним из примеров, что дар первичен, а выбранная просодия под его воздействием преображается. Это поэт смещенного взгляда. Мало кто может, посмотрев на мир, увидеть его так, как она. А ведь такое смещение – одно из главных свойств настоящей поэзии.

В последние годы в достаточно консервативной и косной среде Литературного института сформировалась целая группа молодых, ярких и довольно радикальных поэтов. Назову троих, на которых, мне кажется, стоит обратить внимание. Это недавний лауреат премии А. Драгомощенко, уроженка Дальнего востока, живущая ныне в Москве, Екатерина Захаркив, яркий представитель т.н. «филологической школы», наследующей Драгомощенко и русским формалистам, холодноватый, изящный, блестящий поэт-экспериментатор. Это эпик и философ

из породы «русских мальчиков, ЗАДАЮЩИХ ВОПРОСЫ» (и вместе с тем – ироник, доходящий до сарказма и при этом прекрасно версифицирующий) Ростислав Амелин, сын поэта и издателя Максима Амелина, совершенно не похожий в поэтическом плане на отца. Это абсурдист, дадаист, циник, высмеивающий всех и вся, грустный клоун и прекрасный, при всем при том, поэт Дмитрий Герчиков.

Можно было назвать ещё нескольких, но эти пришли в голову сразу.

Спасибо!

II

Г.К. Об истории поэтического Омска. Для читателя стихов - не литературоведа - Омск остается родиной и колыбелью четырех знаменитых поэтов - Георгия Вяткина, Леонида Мартынова, Роберта Рождественского и Егора Летова. Но это - взгляд со стороны. Без кого ещё, на твой взгляд, история поэтического Омска неполна? Есть ли в ней, например, значительные фигуры времен колчаковской «Третьей столицы»?

С.О. Я, конечно, всегда вспоминаю Антона Сорокина, про которого делала радиоспектакль. Человек, жизнь которого — искусство, человек-агрегатор, живой Интернет, существовавший в литературном Омске 20-х годов XX в. и подгребавший к себе неуёмной энергией все талантливые тексты и их авторов. Кажется, Антон Сорокин написал более трёх тысяч рассказов, а какие-то выкупил у своих незадачливых коллег. То же самое он делал с работами художников: уже нельзя точно понять, какие картины принадлежат руке Сорокина, а какие просто куплены в коллекцию. Сорокин — изобретатель многих видов перформанса, член общества футуристов, признанный Давидом Бурлюком, изобрёл собственную систему бухгалтерского учёта, которая позволяла ему работать всего три часа в день, а остальное время заниматься литературой. Дразнил колчаковцев, пытался дразнить красных, но сразу был ими подавлен, не зажился, бедствовал и болел. Очень омская и необыкновенная фигура.

Г.К. Иногда (опять же, со стороны) создается впечатление, что в Омске есть своя театральная школа, художественная, архитектурная, дизайнерская даже, а литературной, и - говоря более узко - поэтической, нет, в то время как существуют, скажем, Уральская поэтическая школа (с особыми штрихами в виде Нижнетагильской и «Озёрной» (в Кыштыме)), Новосибирская по-

этическая формация, Иркутская группа, Владивостокская (вокруг альманаха «Серая лошадь») и т.д. Регулярно навещая Омск с 1990 года и нежно любя этот город, всегда недоумевал по этому поводу. Так ли это и, если да - в чём ты видишь причину?

С.О. Театральной школы тоже толком нет, как утверждают. Образование местных вузов и колледжей в омских театрах до недавнего времени почему-то не котировалось. Может быть, сейчас ситуация изменилась. Проблемы со словом, с отношением к слову. Театральное искусство тоже в какой-то мере можно рассматривать как язык. Проблемы с языком, с трансляцией своих мыслей. Хотя мне всегда казалось, что журналистская школа неплохая и, говорят, в Омске очень свободная пресса. Я не знаю, почему, когда люди переходят к художественному слову, они становятся такими консервативными. Всё ищут какой-то «чистоты» в искусстве, «нравственности», «стремления к идеалам», как будто не стоит переключиться и искать это в реальной жизни, в которой эти вещи могут быть жизненно важнее любого искусства. Ещё постоянно взыскивают какой-то «чистоты» литературного языка. Кстати, я считаю, что это понятие, которое должен презирать любой настоящий филолог и тем более писатель: мы не в средневековье, чтобы языковыми изысками ограждать себя от реальности, которая пошлая и грязная и вообще горшки выливают из окон. Литература требует правдивости. В том числе и поэзия. Я говорю не о социальности, не о том, чтобы «жечь глаголом», но о том, чтобы не презирать жизнь в широком смысле. Мне кажется, графомания рождается из подобного презрения.

Г.К. Если бы я попросил тебя нарисовать карту сегодняшнего литературного Омска - что бы на ней было? (Учитывая, что на картах отмечают всё, и они бесстрастны).

С.О. Там будет несколько еле заметно мерцающих точек: в первую очередь это Юношеская библиотека возле остановки ул. Рабиновича, где ежегодно проходит литературный семинар «ПарОМ», затем Аграрный университет, где было помещение Союза российских писателей (сейчас не знаю, переехали ли они в другое здание, писатели долго как-то ютились), Литературный музей имени Ф.М.Достоевского, кафе «Журналист», к сожалению, превратившееся в «Графомана», дом Сорокина, дом Мартынова, Пушкинская библиотека, библиотека «Квартал 5/1» и, по-

жалуй, все вузы города как место рождения новых авторов и самопальных студенческих альманахов. Интересен проект «Любинский. Live», в рамках которого поэты, музыканты и актёры каждые выходные выступают перед горожанами на Любинском проспекте.

Г.К. Есть ли в Омске поэтические экспериментаторы, приверженцы новых форм стихосложения и/или устной подачи текста? Возмутители поэтического спокойствия? Анфан террибли? Продолжатели дела великого русского гонзо-литератора и журналиста Антона Сорокина? Если да - расскажи о них.

С.О. Это, пожалуй, не отдельные имена, а издание. Самиздат-газета «Прыщ», пожалуй. Выпускается художниками объединения «Левая нога» Димой Вирже и Никитой Поздняковым, так что это ещё и высокохудожественный продукт со страхолюдными рисунками на крафтовой бумаге. «Прыщ» - настоящий мутный вал потока сознания, выгодно отличающийся бесстрашием перед темами и художественными средствами от консервативного дискурса. Но, впрочем, и там жемчужины попадаются редко. Зато весело. Здорово и вечно.

Г.К. Вспоминают ли в Омске о земляках, задающих литературную и культурную моду в иных городах и весях? В частности - о признанном лидере левого крыла молодой российской поэзии Галине Рымбу и о талантливой молодой поэтке, активистке и акционистке Дарье Серенко? Если да - то как? Гордятся, любят, ненавидят, считают предателями? Вообще - как относятся к тем, кто, невзирая на «Не пытайтесь покинуть Омск», всё же его покинул?

С.О. Есть ощущение, что никак не относятся, забывают. Только если что-то уж загремит-загремит, тогда припомнят. Например, в пабли-

ке «Мы — Омск!» есть пост о Даше Серенко, но ни слова о её новых произведениях и феминистских практиках, которые являются частью творческой деятельности, ни слова о движении #тихийпикет. Про Галю Рымбу там вообще нет постов, хотя, может быть, планируются. Этих авторов знают люди, которые выезжают за пределы Омска на литературные семинары. Знают, но большинство ни в чём на них не ориентируется. Неудивительно. Вряд ли можно встретить омского поэта, который постит у себя на странице в ВК или ФБ, например, стихотворения авторов из журнала «Воздух». Если они есть, пусть меня поправят.

Г.К. Есть ли в Омске свои звёзды эстрадной поэзии, типа молодой Веры Полозковой, Ес Сои или нынешних Ах Астаховой и Сола Моновой? В 90-е примерно такой местной звездой была Вероника Шелленберг - где она, что с ней? Есть ли местные рэп-звёзды? (Памятуя, что RAP изначально - Rhythmical American Poetry)

С.О. Очень мало знаю про омский рэп. За исключением того, что делает мой двоюродный брат Дао Гаваец. Возможно, если взять интервью у него, он расскажет подробнее о состоянии омского рэпа. Хотя мне у него больше нравится андеграунд-рэгги и всё, что он делает с группой «Махало». Насколько я знаю, поэтические группировки «Высь» и «Говорит поэт» занимаются эстрадной поэзией. Отдельные имена у меня не на слуху.

Вероника Шелленберг по-прежнему известна, публикуется в литературных журналах, ведёт семинар «Паром», уже упомянутый мною.

Г.К. Какой вопрос об омской поэзии ты бы задала себе сама на моём месте?

С.О. Когда уже будет нормальный журнал? Вопрос, конечно, риторический.